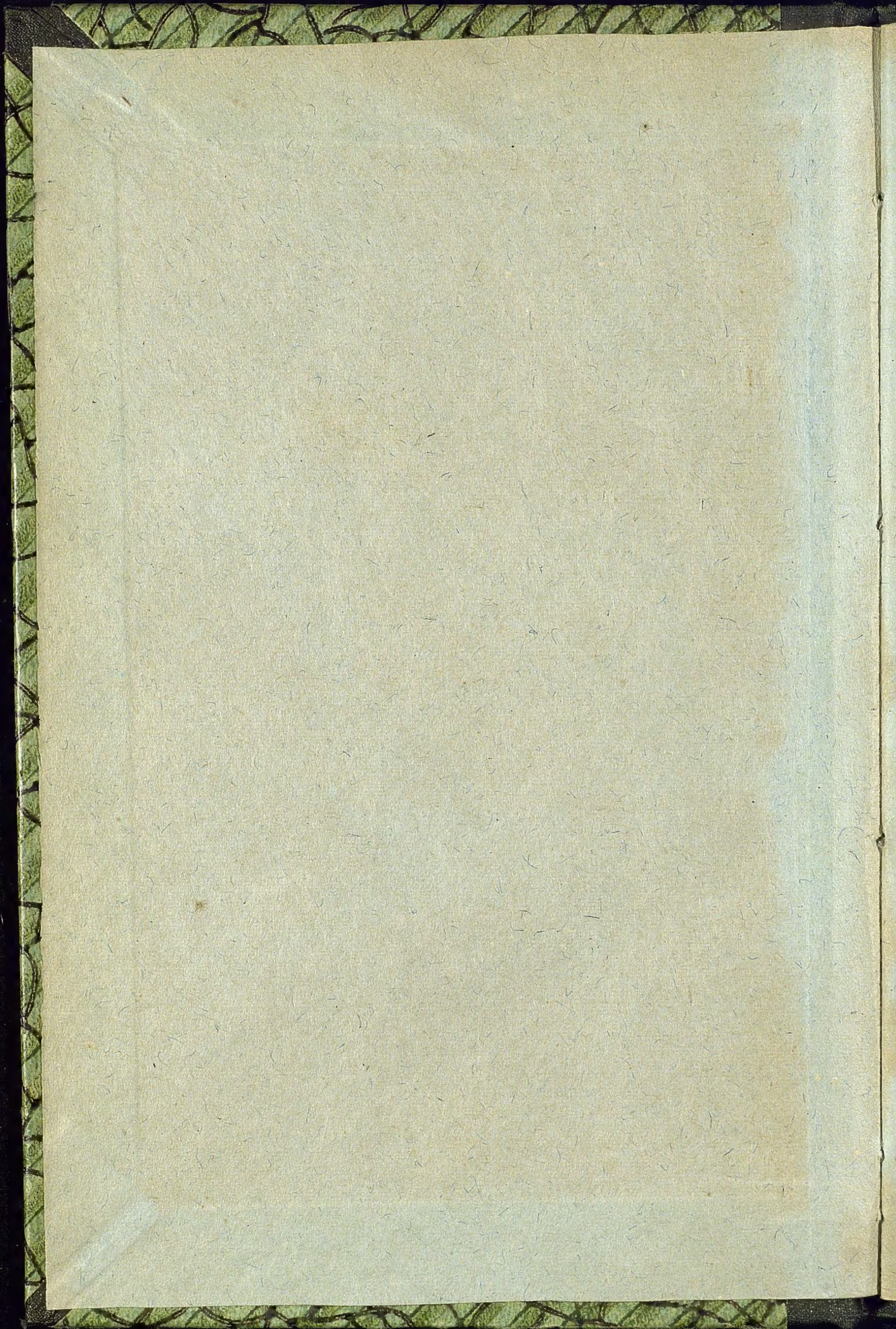

89
60

ГРАНОВЩИНА.

(*Эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины*).

После татарскаго разоренія во второй половинѣ XV столѣтія Брацлавщина, наравнѣ со всею южною окраиною литовско-русскаго государства, пришла въ совершенное почти запустѣніе. Не смотря на энергическія усилія винницкихъ и брацлавскихъ старостъ, пытавшихся во главѣ мѣстныхъ малочисленныхъ земянъ отражать татарскіе набѣги, въ первой половинѣ XVI столѣтія безопасность края была весьма мало обезпечена, и земледѣльческое населеніе неохотно возвращалось на разоренныя пепелища. Описанія винницкаго и брацлавскаго замковъ, составленныя въ 1545—1552 годахъ, сохранили данныя, свидѣтельствующія о крайне слабой населенности края; люстраторы помѣтили во всемъ винницкомъ повѣтѣ только 2 замковыхъ села и 17 земянскихъ и упомянули о 15 пустыхъ селищахъ¹); въ брацлавскомъ повѣтѣ, обнимавшемъ всю южную половину нынѣшней подольской губерніи и юго-западную четверть кіевской, они нашли 23 человѣка старшихъ земянъ (землевладѣльцевъ) и 14 земянъ „подлѣйшихъ", о которыхъ старшіе отозвались: „што они ихъ братьею соби не менуютъ, а не знають отколь суть". Какъ тѣ, такъ и другіе земяне владѣли дворищами и селищами, но люстраторы оговорились, что селища эти далеко не составляли благоустроенныхъ и населенныхъ имѣній; сравнивая эти помѣстья съ пасѣками, которыми владѣли брацлавскіе мѣщане, люстраторы отдаютъ предпочтеніе послѣднимъ, утверждая, что „и три селища за одну пасеку не стоятъ". ²)

¹) Архивъ юго-западной Россіи часть VII, т. I, стр. 598 611.

²) Архивъ юго-западной Россіи часть VI, т. I, стр. 26.

Только въ послѣдней четверти XVI столѣтія народонаселеніе Брацлавщины стало быстро возрастать, благодаря стеченію двухъ важныхъ для судьбы края историческихъ событій: съ одной стороны въ самой Украинѣ старосты нашли средство вызвать силы достаточныя для защиты страны: не полагаясь на малочисленныя земянскія ополченія, они организовали сельскія свободныя общины и возложили на нихъ обязанность доставлять военные контингенты для борьбы съ татарами, чѣмъ положили начало козачеству; послѣднее, быстро развиваясь въ теченіе XVI столѣтія, не-только давало возможность противодѣйствовать татарскимъ набѣгамъ и отражать ихъ успѣшно, но стало переходить изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и за каждый набѣгъ татаръ платило такимъ-же набѣгомъ на турецкія и татарскія владѣнія.

Въ послѣдней четверти XVI столѣтія, послѣ того какъ состоялась Люблинская унія, крестьянское населеніе литовско-русскихъ областей было поставлено въ весьма невыгодныя юридическія условія: оно повсемѣстно было прикрѣплено къ землѣ и подчинено дворянамъ. Вслѣдствіе этого является общее стремленіе сойти со стараго мѣста жительства, поискать свободной „безпанской" земли. И единично, и толпами крестьяне уходятъ въ украинныя воеводства въ разсчетѣ на то, что они примкнутъ къ козацкой организаціи, заселятъ пустыя, никому не принадлежащія земли и за отбываніе военной повинности въ пользу государства будутъ пользоваться личною свободою и самоуправленіемъ.

Но крестьяне обманулись въ своихъ надеждахъ: дворяне раньше ихъ обратили вниманіе на измѣнившіяся условія быта въ Украинѣ, на водворившуюся въ странѣ относительную безопасность и на постоянный приливъ рабочаго населенія. Они тщательно разыскиваютъ въ семейныхъ архивахъ старые документы на право владѣнія землями недоступной для нихъ до того времени и брошенной на произволъ судьбы плодородной Украины, они предъявляютъ эти документы и отправляются сами или посылаютъ слугъ разыскивать свои пустыя селища, къ которымъ прихватываютъ побольше окрестныхъ пустопорожнихъ, никѣмъ не обмежеванныхъ земель. Другіе, у кото-

рыхъ не было старыхъ документовъ, выпрашиваютъ у короля и сеймовъ новые дарственныя привилегіи на обширныя пространства и захватываютъ ихъ въ потомственную собственность [1]).

Очевидно интересы дворянъ сталкиваются въ Украинѣ съ интересами стремившихся на вольныя земли крестьянъ, а изъ столкновенія этого выростаетъ главный мотивъ будущей вѣковой кровавой козацко-польской борьбы. Въ началѣ XVII столѣтія борьба эта еще не имѣла характера острой непримиримой вражды; обѣ стороны стараются отложить, смягчить ее, ищутъ средняго, болѣе миролюбиваго выхода изъ роковаго положенія: старое козачество пытается уложиться въ рамки, указанныя ему правительствомъ въ „реестрѣ“ и ограничиться въ территоріальной полосѣ, отведенной ему въ королевскихъ староствахъ средняго Приднѣпровья. Не попавшіе въ реестръ крестьяне идутъ дальше за предѣлы панской Украины, въ дикую степь, стараются свить гнѣздо въ Запорожьѣ и оправдать передъ государствомъ зарожденіе новаго, непризнаннаго правительствомъ козачества, усиленною борьбою съ татарами.

Съ другой стороны шляхтичи, чувствуя невозможность сразу закрѣпостить выходцевъ, поселившихся и продолжавшихъ селиться на земляхъ, принадлежавшихъ дворянамъ въ силу документовъ и привилегій, прибѣгаютъ къ широкому примѣненію права «слободы»; они до извѣстнаго довольно продолжительнаго срока, или вовсе не требуютъ съ поселенцевъ барщины и повинностей, или ограничиваются взиманіемъ легкой дани и требованіемъ незначительныхъ услугъ.

Конечно всѣ эти палліятивныя мѣры не предотвратили, а лишь нѣсколько оттянули роковое столкновеніе: ни дворяне не пожелали отказаться навсегда отъ крупныхъ доходовъ изъ богатыхъ помѣстій и отъ утвержденнаго закономъ своего права на крѣпостной трудъ населившихъ эти имѣнія крестьянъ, ни реестровые козаки не могли оторваться въ приднѣпровской полосѣ отъ массы народонасе-

---

[1]) Такъ напримѣръ Валентинъ-Александръ Калиновскій получилъ въ 1609 году по постановленію сейма въ подарокъ „пустыню Умань“, т. е. весь нынѣшній Уманскій уѣздъ. Volumina legum II, стр. 466.

ленія, окружавшей ихъ и тѣсно связанной съ ними общими чертами этнографическими, общимъ происхожденіемъ, національностью и религіозными интересами, ни Запорожье не успѣло упрочить на новой территоріи новаго типа свободнаго козачества. Его безпрестанная, несмолкавшая борьба съ татарами и турками, хотя и приносила пользу государству, доставляя безопасность южнымъ предѣламъ Рѣчи-Посполитой, велась по собственной инціативѣ, не регулировалась дипломатическими соображеніями центральнаго правительства, и не дозволяла послѣднему установить прочныя отношенія къ турецкому правительству; притомъ Запорожье въ глазахъ шляхты, руководившей дѣйствіями правительства, представлялось помѣхою для введенія въ Украинѣ нормальныхъ крѣпостныхъ порядковъ, вѣчною угрозою противъ полнаго водворенія помѣщичьяго права, постояннымъ соблазномъ для крестьянъ, и безъ того трудно укладывавшихся въ начертанныя имъ закономъ условія. Такимъ образомъ въ первой четверти XVII столѣтія отношенія на Украинѣ не вполнѣ еще опредѣлились, въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время то смягчаясь, то обостряясь.

Усилія дворянъ утвердить за собою право земловладѣнія направлены были съ одинаковой энергіей не на всѣ части территоріи Украины. Въ восточной половинѣ области, въ той, которая прилегала къ Днѣпру, дворяне рѣже и менѣе охотно выпрашивали земли. Территорія этой полосы входила въ составъ старостствъ, т. е. составляла крупныя государственныя имущества. Въ старостствахъ размѣщались старыя козацкія поселенія, признанныя легальными при королѣ Стефанѣ [1]). Какъ сосѣдство козацкихъ поселеній, такъ и препятствія со стороны правительства относительно раздачи земель въ этой полосѣ, заставили шляхту менѣе настойчиво выпрашивать

[1]) Здѣсь существовали какъ старыя староства, давно, еще въ литовское время правильно устроенныя: остерское, переяславское, бѣлоцерковское, каневское, черкасское, такъ и новыя: чигиринское, корсунское и звенигородское, возникшія на земляхъ, выдѣленныхъ изъ старыхъ старостствъ; правительство смотрѣло на эти староства какъ на установившійся нормальный источникъ доходовъ и потому менѣе охотно отчуждало въ частныя руки принадлежавшія къ нимъ земли; только далѣе къ востоку, за предѣлами переяславскаго староства, лежали не изслѣдованныя и не

помѣстья въ этой полосѣ. Въ иномъ положеніи находилась Брацлавщина. Здѣсь существовали только два староства винницкое и брацлавское, къ которымъ тянули весьма обширныя, до недавняго еще времени пустынныя земли; Брацлавщина притомъ подвергалась гораздо болѣе чувствительнымъ ударамъ со стороны татаръ, чѣмъ Украина приднѣпровская: она не только сама по себѣ служила цѣлью для хищническихъ набѣговъ, но по ней орда должна была проходить каждый разъ, когда загоны ея устремлялись на Волынь, Червоную Русь или южную Польшу. По Брацлавщинѣ пролегали два искони извѣданные татарами пути ихъ набѣговъ: на восточной закраинѣ ея лежалъ „Черный шляхъ", приводившій татаръ на Волынь, Полѣсье, Подляхію; между Днѣстромъ и Бугомъ тянулся „шляхъ Кучманскій", по которому татары двигались въ Червоную Русь и Малую Польшу. Ежегодно, а иногда нѣсколько разъ въ годъ Брацлавщину посѣщали злые гости и естественно, что на прохожей дорогѣ хищниковъ трудно было усидѣть мирному земледѣльческому населенію. Не смотря на энергію брацлавскихъ и винницкихъ старостъ: князей Острожскихъ, Сангушковъ, Збаражскихъ и т. д., имъ не удалось организовать козацкихъ полковъ, и страна лежала еще почти въ совершенномъ запустѣніи во второй половинѣ XVI столѣтія, правительство не извлекало почти никакого дохода изъ обширныхъ земель брацлавскихъ староствъ и потому не дорожило ими; когда въ исходѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, знатныя лица астли осаждать короля просьбами о пожалованіи земель въ Украинѣ, король и сеймы весьма охотно раздавали огромныя, не размежеванныя и никѣмъ не промѣренныя пространства въ Брацлавщинѣ. Такимъ образомъ здѣсь сразу возникаютъ крупныя магнатскія помѣстья, которыя располагаются на обширныхъ, плодородныхъ степныхъ пространствахъ. Если въ сѣверномъ углу Брацлавщины, особенно въ районѣ винницкаго замка и уцѣлѣла болѣе мелкая собственность, въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ представителей старыхъ земянскихъ

приведенныя въ извѣстность обширныя земли и уходы нынѣшней полтавской губерніи, которыя правительство, не пользовавшееся ими, раздавало щедрою рукою Вишневецкимъ, Пясочинскимъ, Конецпольскимъ и т. д.

родовъ, то въ обширной полосѣ, лежавшей къ югу отъ Брацлава до Днѣстра и дикихъ полей, мы встрѣчаемъ въ началѣ XVII столѣтія почти исключительно крупныя помѣстья магнатовъ: Калиновскихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Замойскихъ и т. д.

Въ средѣ магнатскихъ родовъ, водворившихся въ Брацлавщинѣ, весьма видное мѣсто занимали Сенявскіе. Родъ этотъ возникъ въ XV столѣтіи, отдѣлившись какъ самостоятельная вѣтвь отъ рода Грановскихъ; послѣдніе происходили изъ великой Польши, они возвысились богатствомъ и значеніемъ въ XIV столѣтіи, главнымъ образомъ благодаря тому, что получили отъ польскихъ королей обширныя земли въ ново-пріобрѣтенной Червоной Руси; они достигли высшей степени знатности въ царствованіе Владислава Ягайлы, съ которымъ даже породнились: третья жена этого короля Елизавета, была раньше замужемъ за Викентіемъ Грановскимъ [1]). Въ это-же время одинъ изъ Грановскихъ переселился въ Подольскую землю, гдѣ въ теченіи нѣкотораго времени занималъ должность старосты Каменецкаго. Пребывая въ Подольской землѣ, отъ которой въ то время Брацлавщина еще не была отдѣлена, Грановскіе успѣли пріобрѣсти здѣсь обширныя помѣстья, разсѣянныя въ районѣ замковъ: Каменецкаго, Летичевскаго и Брацлавскаго; въ послѣдномъ повѣтѣ имъ принадлежала обширная волость на берегахъ рѣки Вербича; главное поселеніе ея носившее также имя *Вербичъ*, они преобразовали въ городъ и назвали Грановымъ.

Въ половинѣ XV столѣтія родъ Грановскихъ раздѣлился на двѣ линіи; представитель одной изъ нихъ Рафаилъ, владѣвшій мѣстечкомъ Сенявою въ Червоной Руси надъ Саномъ, первый принялъ фамилію Сенявскаго и былъ родоначальникомъ этого магнатскаго рода. Въ теченіе XVI столѣтія Сенявскіе встрѣчаются постоянно въ рядахъ польской знати: двое изъ нихъ были Русскими (т. е. Червонорусскими) воеводами; двое другихъ кастелянами Каменецкими и т. д. Занимая важныя должности, Сенявскіе въ то же время

---

[1]) Gołembiowski, Panowanie Władysława Jagiełły. стр. 467.

заботились объ умноженіи своихъ поземельныхъ владѣній; къ концу XVI столѣтія они обладаютъ уже многочисленными помѣстьями, разбросанными въ Червоной Руси и подольскомъ воеводствѣ. Кромѣ ихъ родоваго имѣнія Сенявы надъ Саномъ, въ Галицкой Руси имъ принадлежатъ: городъ Бережаны, мѣстечко Олешицы, городъ Поморяны и многочисленныя тянувшія къ нимъ села; въ Подоліи— мѣстечко Сатановъ съ волостью на Збручѣ и большое Межибожское имѣніе въ Летичевскомъ повѣтѣ; на земляхъ, принадлежавшихъ къ Межибожской волости, владѣльцы основали два новыя городскія поселенія: Старую и Новую Сеняву, лежавшія уже на рубежѣ Брацлавщины. Въ началѣ XVII столѣтія Сенявскіе принимаютъ участіе въ общемъ стремленіи польской знати къ пріобрѣтенію поземельной собственности въ Брацлавщинѣ: они разыскали въ своемъ семейномъ архивѣ права, которыя нѣкогда пріобрѣли ихъ предки Грановскіе на грановскую волость, стремятся заявить эти права и войти во владѣніе давно забытымъ имѣніемъ; но на первыхъ же порахъ встрѣчаютъ нѣкоторое затрудненіе: оказалось, что о грановскомъ имѣніи раньше Сенявскихъ позаботились князья Четвертинскіе и успѣли выхлопотать себѣ право на владѣніе имъ; обѣимъ сторонамъ предстоялъ такимъ образомъ многолѣтній дорогой и трудный процессъ, со всѣми неминуемыми въ то время послѣдствіями: баниціями, заѣздами, аппелляціями и т. д. Тѣмъ не менѣе Сенявскіе пошли храбро навстрѣчу неожиданному осложненію и успѣли запугать своихъ противниковъ. Четвертинскіе отступили передъ болѣе знатными, богатыми и вліятельными соперниками, и дѣло кончилось мировою сдѣлкою: въ 1605 году Гіеронимъ Сенявскій уплатилъ кн. Ярошу Четвертинскому 3,000 злотыхъ и получилъ отъ него такъ называемую „цессію", т. е. уступку всѣхъ правъ на Грановъ „cum attinentiis" [1]).

Добившись такимъ образомъ неоспоримаго права на владѣніе обширнымъ помѣстьемъ (весь сѣверный уголъ нынѣшняго гайсинскаго уѣзда), Сенявскіе постарались привлечь въ него возможно большее количество поселенцевъ; кромѣ весьма льготныхъ условій „слободы"

---

[1]) Руликовскій, Брацлавщина, въ альманахѣ „Kwiaty i Owoce", стр. 294.

объявленной ими на 30 лѣтъ, они позаботились о привлеченіи въ грановскую волость стремившихся въ Брацлавщину крестьянъ; съ этою цѣлью они испросили для вновь возникавшихъ на ихъ земляхъ поселеній городскія привилегіи, которыя гарантировали населенію, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ, право на самоуправленіе. Въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, кромѣ Стараго Гранова, мы встрѣчаемъ въ его окрестности еще три новыя городскія поселенія: Новый Грановъ, Левухи и Городокъ; въ каждомъ изъ этихъ мѣстечекъ возведенъ владѣльцами „замокъ", т. е. небольшая крѣпостца, обнесенная рвомъ, валомъ и палисадомъ, вооруженная гаковницами и мушкетами и вмѣщавшая въ себѣ экономическія постройки и управленіе.

Около 1640 года представителемъ рода Сенявскихъ и владѣтелемъ Грановщины былъ Адамъ-Гіеронимъ Сенявскій, графъ на Шкловѣ и Мыши, писарь польный коронный; подобно другимъ владѣльцамъ крупныхъ имѣній въ Брацлавщинѣ и Украинѣ онъ принималъ постоянно самое дѣятельное участіе въ походахъ на козаковъ и татаръ, и не мудрено: отъ исхода этой борьбы съ врагами внутренними и внѣшними зависѣло и процвѣтаніе и доходность брацлавскихъ помѣстій; успѣшное отраженіе татаръ гарантировало возможность вести въ нихъ прочное сельское хозяйство и вмѣстѣ съ тѣмъ сберегало населеніе, необходимое для обработки обширныхъ черноземныхъ полей; смиреніе „козацкой гидры", какъ тогда выражались шляхтичи, было необходимо для того, чтобы удержать населеніе во власти пана и по истеченіи слободскихъ льготныхъ лѣтъ упрочить въ полной силѣ крѣпостное право. Естественно поэтому, во всѣхъ походахъ съ 1630 по 1650 г. мы встрѣчаемъ въ рядахъ польскаго войска многочисленныя хоругви, доставленныя на свой счетъ владѣльцами крупныхъ помѣстій въ южной Брацлавщинѣ, и нерѣдко самихъ владѣльцевъ, лично предводительствующихъ этими хоругвями. Адамъ Сенявскій принимаетъ во главѣ своей милиціи личное участіе въ битвѣ подъ Ахматовымъ (1644 г), въ которой отбитъ былъ сильный загонъ орды, надвигавшейся на Брацлавщину; затѣмъ въ 1646 году онъ ходилъ съ гетманомъ Николаемъ Потоцкимъ въ

отдаленный, но несчастный походъ на берега р. Мерла, имѣвшій цѣлью встрѣтить на границѣ Рѣчи-Посполитой новый татарскій набѣгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять козаковъ, собиравшихся, какъ о томъ доходили вѣсти до польскаго гетмана, своевольными купами на верховьяхъ Ворсклы. Какъ извѣстно, походъ этотъ вслѣдствіе упрямства и нераспорядительности Потоцкаго кончился тѣмъ, что значительная часть польскаго войска погибла отъ мороза въ безлюдной тогда степи нынѣшней харьковской губерніи.

Однако въ общей сложности походы противъ татаръ и козаковъ принесли желанную пользу брацлавскимъ помѣщикамъ; имѣнія ихъ наполнялись поселенцами и по мѣрѣ того, какъ истекали слободскіе сроки, приносили все болѣе и болѣе крупные доходы. Примѣръ этого мы видимъ на грановскомъ имѣніи. Возвратившись изъ неудачнаго похода на Мерло, Сенявскій занялся приведеніемъ въ извѣстность положенія своего помѣстья [1]); оказалось, что слободскіе сроки уже истекали для большинства поселянъ, и имѣніе могло давать доходъ не только отъ найма земли, но и отъ найма дароваго труда населенія, жившаго на ней. Сенявскій объявилъ, что онъ готовъ отдать имѣніе въ аренду и немедленно нашелъ охотника въ лицѣ великопольскаго шляхтича, забившагося въ далекую Украину съ цѣлью быстраго обогащенія въ этой странѣ, „млекомъ и медомъ текущей", какъ говорили о ней тогда шляхтичи въ коренныхъ польскихъ областяхъ. Въ томъ же 1646 году Адамъ Сенявскій заключилъ контрактъ съ паномъ Бартошомъ Важинскимъ, по которому отдалъ ему за 40,000 злотыхъ въ аренду на 4 года свои города: Старый Грановъ alias Вербичъ, Новый Грановъ, Городокъ и Левухи со всѣми селами, поселками, хуторами и пр.

Бартошъ Важинскій былъ человѣкъ энергическій, предпріимчивый и опытный хозяинъ; самъ онъ поселился въ замкѣ въ Левухахъ, который былъ лучше другихъ укрѣпленъ и вооруженъ гаковницами; въ каждомъ городѣ онъ устроилъ отдѣльную экономію и постарался

[1]) Послѣдующіе факты заимствованы изъ документовъ, внесенныхъ въ Винницкую гродскую книгу 1652 года, хранящуюся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ подъ № 4598.

повести хозяйство такъ, чтобы оно отвѣчало рабочимъ силамъ имѣнія и доставляло ему такіе продукты, сбытъ которыхъ былъ бы наиболѣе обезпеченъ. Изъ подробнаго перечня его имущества мы можемъ составить понятіе о типѣ хозяйства, установившагося въ крупныхъ помѣстьяхъ Брацлавщины, именно: мы видимъ, что Важинскій только небольшую относительно часть обширныхъ полей Грановщины распахивалъ подъ хлѣбъ, вѣроятно съ одной стороны по недостатку рабочихъ рукъ, съ другой вслѣдствіе трудности сбывать громоздкій продуктъ; полученный съ запашекъ хлѣбъ, какъ можно судить изъ описи его имущества, онъ не сбывалъ въ зернѣ, а частью превращалъ въ муку и крупу, частью употреблялъ на откармливаніе животныхъ и птицъ, большею же частью превращалъ въ горячіе напитки. Во всѣхъ экономіяхъ у него было много ,,горѣлчаныхъ и пивныхъ котловъ и алембиковъ'', и въ подвалахъ его стояли многочисленные ,,куфы, бочки и полубочки'' пива, горѣлки и спирта. Остальныя поля онъ обратилъ въ пастбища и откармливалъ огромное количество воловъ, коровъ, овецъ, козъ и свиней, и большими транспортами сбывалъ сало, шерсть, кожи и молочные продукты, которыми переполнены были его амбары. Значительный доходъ владѣлецъ извлекалъ изъ домашней птицы; во всѣхъ экономіяхъ онъ разводилъ въ широкихъ размѣрахъ куръ, гусей, утокъ, индюковъ, приготовлялъ каплуновъ, сотни которыхъ откармливались на его птичьихъ дворахъ, собиралъ бочки гусинаго ,,смальцу'' и т. п. Наконецъ важную отраслъ хозяйства представляло пчеловодство: въ кладовыхъ Важинскаго мы находимъ цѣлые ряды бочекъ и полубочекъ питнаго и прѣснаго меда и большіе запасы воску, сплавленнаго въ круги и обращеннаго уже въ свѣчи. За то, не смотря на мелочной перечень всѣхъ отраслей хозяйства, мы не встрѣчаемъ ни одного намека на огородничество и садоводство.

Стараясь придать продуктамъ своего хозяйства по мѣрѣ возможности меньшій объемъ и перерабатывая ихъ въ возможно болѣе цѣнные предметы, Важинскій отправлялъ большіе транспорты на далекіе рынки внутренней Польши и Пруссіи; особенно оживленныя торговыя сношенія онъ завелъ съ Данцигомъ. Въ сараяхъ его стояли

десятки кованыхъ „коломыйскихъ возовъ съ ланцухами“, и въ большомъ порядкѣ хранилась прочная упряжь; раза два въ годъ онъ снаряжалъ „валки“ (транспорты), которые везли на далекое Балтійское поморье подольскій медъ и воскъ, шерсть и сало, кожи и водку. Въ обмѣнъ за эти продукты Важинскій получалъ купленныя за границей пряности, вина, сахаръ, столовую посуду, ткани, металлическія издѣлія, земледѣльческія орудія и т. п. и съ большою выгодою сбывалъ ихъ въ сосѣдніе панскіе дворы и экономіи.

Благодаря предпріимчивости и умѣнію понять экономическое состояніе края, Важинскій сталъ быстро богатѣть, причемъ то направленіе, которое онъ далъ своему хозяйству, дозволяло ему стать въ довольно сносныя отношенія къ крестьянамъ; этому послѣднему обстоятельству Важинскій былъ обязанъ спасеніемъ своей жизни въ минуту неожиданно вспыхнувшей грозы.

Весною 1648 года кончилось 2 года его аренды, хозяйство его процвѣтало; амбары, кладовыя, скотные дворы, гумна и „пивницы“ были переполнены всякимъ добромъ.

Утромъ 29 мая арендаторъ суетился на дворѣ левухскаго замка, занятый осмотромъ и разборомъ только что пришедшаго изъ Данцига транспорта съ пряностями и сахаромъ. Въ это время совершенно для него неожиданно въ замковой дворъ явилась въ полномъ сборѣ левухская „громада“. Занятый своимъ дѣломъ, Важинскій собирался отослать посѣтителей, назначивъ имъ другое болѣе свободное время для разговора, но его поразилъ необычно торжественный видъ пришедшихъ; на вопросъ, по какому дѣлу явилась громада, крестьяне заявили, что они, питая къ нему расположеніе, пришли предостеречь его по очень важному дѣлу: ночью въ Левухи пріѣхали развѣдчики Хмельницкаго, они привезли вѣсть о разгромѣ польскаго войска подъ Корсунемъ (случившемся 26 мая) и объявили, что вслѣдъ за ними появятся передовые отряды козаковъ и татаръ; въ виду этихъ извѣстій громада совѣтуетъ Важинскому бѣжать немедленно, пока еще не явились нежданные гости. Сообщеніемъ громады Важинскій былъ пораженъ какъ громомъ. Онъ конечно зналъ, что гетманы заняты походомъ

противъ новаго козацкаго возстанія, но былъ вполнѣ увѣренъ въ своей безопасности; онъ полагался на силу и опытность польскаго войска и ожидалъ, что по примѣру прежнихъ лѣтъ послѣ болѣе или менѣе продолжительной кампаніи козаки будутъ усмирены и наказаны. Между тѣмъ весь этотъ разсчетъ былъ уничтоженъ однимъ ударомъ, и онъ безъ всякаго приготовленія очутился вдругъ передъ лицомъ непосредственно угрожавшей опасности. Думать о защитѣ было немыслимо; хотя въ его распоряженіи и имѣлось нѣсколько замковъ, хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ достаточнымъ количествомъ гаковницъ, мушкетовъ, ядеръ, пороха и т. п.; но гарнизона въ нихъ не было; вся надворная милиція Сенявскаго ушла вмѣстѣ съ паномъ въ лагерь гетмановъ, громада же оказала ему возможную долю снисхожденія, предупреждая о близкой опасности, но конечно не намѣрена была взяться за оружіе противъ своихъ единоплеменниковъ для защиты имущества арендатора. Впопыхахъ Важинскій сдѣлалъ послѣднія распоряженія; онъ поручилъ попеченіе надъ своимъ имуществомъ двумъ приближеннымъ лицамъ, войту и писарю, захватилъ чересъ съ червонцами и, приказавъ осѣдлать коня, „жалобно заплакавъ и бросивъ на произволъ судьбы все свое богатство“, ускакалъ въ сосѣднее арендуемое имъ имѣніе, Городокъ; для безопасности нѣсколько человѣкъ изъ Левухской громады проводили его верхомъ. Но и въ Городкѣ положеніе его оказалось не лучше, здѣсь также громадѣ извѣстно уже было положеніе дѣлъ; проѣзжая черезъ мѣстечко, онъ замѣтилъ, что крестьяне вооружились, и разставили вокругъ мѣстечка стражу. Въ замокъ, гдѣ остановился Важинскій, явились евреи, жившіе въ Городкѣ, съ жалобою на то, что крестьяне не даютъ имъ выѣзжать изъ мѣстечка; арендаторъ попытался было вступиться за нихъ, но громада объявила, что до появленія козаковъ не выпуститъ изъ мѣстечка не только евреевъ, но и его самого; только послѣ долгихъ переговоровъ Важинскому удалось выхлопотать пропускъ для себя. Уѣзжая, онъ поручилъ свое имущество попеченію войта и бурмистровъ, и просьбу о томъ же переслалъ въ грановскій магистратъ, такъ какъ ѣхать въ Грановъ не рѣшился. Затѣмъ снова

сѣлъ на свою верховую лошадь и направился безъ опредѣленной цѣли на западъ. Черезъ недѣлю Важинскій черезъ Баръ и Каменецъ достигъ наконецъ болѣе спокойнаго убѣжища во Львовѣ[1]).

Остановившись въ этомъ городѣ, Важинскій поджидалъ пріѣзда Сенявскаго съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ него или возврата арендной суммы, согласно условіямъ контракта, или по крайней мѣрѣ получить въ замѣнъ утраченной аренды на тѣхъ же условіяхъ другія имѣнія въ Червоной Руси или Малой Польшѣ. Сенявскій дѣйствительно находился уже во Львовѣ, но ему было не до грановскаго арендатора: во время корсунской битвы онъ вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ польской арміи былъ взятъ въ плѣнъ и отданъ татарамъ. Тугай-бей помчалъ его въ Крымъ, но на пути плѣнникъ заключилъ съ мурзою условія, представлявшія нѣкоторыя выгоды для обѣихъ сторонъ. Тугай-бей сообразилъ, что онъ долженъ будетъ въ Крыму представить знатныхъ плѣнниковъ хану, и получить на свою долю, только тѣхъ, которыхъ ханъ ему пожалуетъ; потому мурза рѣшился увеличить эту долю до пріѣзда въ Бахчисарай. Онъ предложилъ Сенявскому, богатство котораго было ему извѣстно, отпустить его на волю за выкупъ въ 20,000 червонцевъ

---

[1]) Характерныя черты бѣгства грановскаго арендатора: неожиданность появленія козаковъ, сочувствіе къ нимъ крестьянъ, сознаніе безсилія со стороны шляхты передъ лицомъ раздраженнаго народонаселенія и „жалобный плачь“ по поводу оставленнаго имущества, повторяются во всѣхъ аналогическихъ случаяхъ этого времени; чертами этими изобилуютъ актовыя свидѣтельства, онѣ ясны и въ запискахъ современниковъ. Для образца приведемъ два примѣра. Въ „Лѣтописцѣ“ Іоакима Ерлича мы встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: „Хмельницкій изъ подъ Паволочи разослалъ свои полки въ разныя стороны, въ томъ числѣ и въ Полѣсье, гдѣ и меня, Іоакима Ерлича, они чуть было не захватили въ Кочеревѣ; спасая жизнь, я долженъ былъ бѣжать въ лѣсъ ...и пѣшкомъ пришелъ въ Печерскій монастырь“. Latopisiec Ierlicza, т. 1, стр. 69. Другой современникъ, также житель Брацлавщины, извѣстный польскій анналистъ Самуилъ Твардовскій, такъ описываетъ свое бѣгство изъ хутора, который ему принадлежалъ у села Зарубинецъ (нынѣ липовецкаго уѣзда): „Подобно другимъ и я, не ожидая дальнѣйшихъ событій, бѣжалъ не съ меньшею чѣмъ сосѣди поспѣшностью, захвативъ лишь съ собою коробокъ съ болѣе цѣннымъ имуществомъ и съ моими рукописями... съ грустью теперь вспоминаю о своемъ наслѣдственномъ хуторѣ, о своей пасѣкѣ, которая была мнѣ дороже Гиблы, теперь же осталась далеко, брошенная своимъ хозяиномъ“. (Twardovski—Wojna domowa, часть II, стр. 36).

и распустилъ слухъ между татарами, что онъ освобождаетъ плѣнника даромъ изъ за благодарности, ибо нѣкогда, также точно попавши въ плѣнъ къ отцу Сенявскаго Прокопу, онъ былъ послѣднимъ выпущенъ изъ плѣна. Сенявскій принялъ предложенныя условія, за скорую же и точную уплату выкупа поручились оставшіеся въ плѣну гетманы. 4 іюня онъ уже былъ во Львовѣ и дѣятельно собиралъ свой выкупъ, который вскорѣ и отправилъ, отдавъ его татарамъ, ґрабившимъ въ то время окрестности Межибожа [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Сенявскій собралъ изъ доходовъ своихъ имѣній и занялъ у львовскихъ мѣщанъ значительныя суммы и сталъ на эти средства вооружать новый полкъ для продолженія борьбы съ козаками. Важинскому онъ совѣтовалъ потерпѣть, пока кончится кампанія, обѣщая послѣ усмиренія козаковъ вознаградить его убытки: или продливъ срокъ грановской аренды на нѣсколько лѣтъ или возвративъ взятыя у него 40,000 злотыхъ. Съ собраннымъ полкомъ Сенявскій отправился въ польскую армію, двигавшуюся противъ Хмельницкаго въ полной увѣренности въ побѣдѣ; извѣстно, что походъ этотъ кончился печальнымъ погромомъ у Пилявецъ. Самоувѣренная армія разсѣялась безъ бою, обратившись въ стремительное бѣгство подъ впечатлѣніемъ паническаго страха. Сенявскій, не смотря на громкій эпитетъ „польскаго Ахиллеса", которымъ наградилъ его Несецкій, раздѣлилъ общую участь: полкъ его разсѣялся, и онъ вновь оказался во Львовѣ безъ средствъ и на этотъ разъ безъ надежды на скорое подавленіе козацкаго возстанія.

Въ слѣдующемъ году война съ Хмельницкимъ возгорѣлась съ новою силою. Сенявскій, обременивъ новыми долгами свои помѣстья, опять вооружилъ полкъ и соединился съ войскомъ региментарей; вмѣстѣ съ ними онъ былъ осажденъ у Збаража. Сенявскаго судьба вообще не баловала въ военныхъ походахъ; подъ Збаражемъ же ему особенно не повезло; полку его достался постъ, болѣе всего подвергавшійся выстрѣламъ козацкой артиллеріи, и потому большая

---

[1]) Лѣтопись Яна Юзефовича, стр. 128; Michałowski,—Xięga pamiętnicza, стр. 34, 39, 51.

часть его была перебита во время осады; одинъ изъ выстрѣловъ опрокинулъ его палатку и т. п. [1]). Самъ Сенявскій не выдержалъ шестинедѣльной осады; удрученный голодомъ, недостаткомъ воды и спокойствія, онъ палъ духомъ и тяжело заболѣлъ. Когда наконецъ осада была снята вслѣдствіе Зборовскаго договора, онъ не имѣлъ силы подняться съ постели и былъ вынесенъ изъ лагеря на носилкахъ; поболѣвъ затѣмъ 8 мѣсяцевъ, Сенявскій умеръ.

Между тѣмъ по силѣ статей того же Зборовскаго договора грановское имѣніе Сенявскихъ оказалось въ той части Украины, которая была уступлена козакамъ. Въ имѣніи этомъ послѣ поспѣшнаго выѣзда изъ него арендатора крестьяне радостно встрѣтили козаковъ и стали въ ихъ ряды. При формировкѣ козацкихъ полковъ мѣстечка грановской волости вошли въ составъ Кальницкаго полка; Левухи приписались къ Терлицкой сотнѣ, Городокъ и вѣроятно Грановъ къ Дашевской [2]). Все добро, оставленное Важинскимъ, сдѣлалось добычею козаковъ и крестьянъ; въ Левухахъ на первыхъ порахъ довѣренные люди его, войтъ и писарь, попытались было укрыть болѣе цѣнное имущество; они свалили его въ бочки и затопили въ прудъ, но попытка эта сдѣлалась извѣстною односельцамъ; послѣ прихода козаковъ они раскопали плотину, спустили воду пруда и овладѣли потопленными бочками; писарь и войтъ за излишнюю преданность панскимъ интересамъ и за дѣйствія несогласныя съ требованіями громады были казнены смертью.

Послѣ Зборовскаго договора возвратъ Грановщины во власть помѣщиковъ и ихъ арендаторовъ сдѣлался весьма сомнительнымъ; впрочемъ черезъ два года послѣ смерти Адама-Іеронима Сенявскаго наслѣдникамъ его на короткое время улыбнулась надежда. Послѣ Берестецкой битвы заключенъ былъ невыгодный для козаковъ Бѣлоцерковскій договоръ, въ силу котораго районъ Украины, уступленный козакамъ, былъ сокращенъ до предѣловъ Кіевскаго воеводства; Брацлавщину заняли польскія войска; въ томъ числѣ въ

---

[1]) Michałowski, Xięga pamiętnicza, стр. 415 и 454.

[2]) Акты Южной и Западной Рос., т. X, стр. 298—299, Регестры войска Запорожскаго, стр. XIV.

Гранов̌е и его окрестностяхъ разм̌естился полкъ н̌емецкой п̌ехоты подъ начальствомъ Крейца [1]). Въ Винниц̌е вновь открылось присутствіе гродскаго суда Брацлавскаго воеводства; земскіе польскіе чиновники вступили въ управленіе воеводствомъ, и подъ прикрытіемъ ихъ власти и находившагося въ воеводств̌е войска стали возвращаться пом̌ещики и ихъ „офиціалисты" и арендаторы; въ числ̌е посл̌еднихъ пріѣхалъ и Бартошъ Важинскій. Онъ явился въ Грановъ съ надеждою вновь получить въ свое влад̌еніе богатую аренду и взыскать съ жителей понесенные убытки; но надежды его не сбылись. По смерти Сенявскаго насл̌едникомъ им̌енія остался его малол̌етній сынъ Николай-Гіеронимъ, состоявшій подъ опекою матери Елены Сенявской, дочери короннаго гетмана Станислава Потоцкаго и многочисленныхъ опекуновъ, распред̌елившихъ между собою зав̌едываніе разбросанными въ разныхъ воеводствахъ пом̌естьями. Попеченіе надъ брацлавскими им̌еніями выпало на долю м̌естныхъ землевлад̌ельцевъ: брацлавскаго стольника Людвика Незабитовскаго и брата его Яна. Опекуны всл̌едъ за появленіемъ польскаго войска приняли въ свое управленіе Грановщину и, когда явился Важинскій, отказали въ удовлетвореніи его претензій на томъ основаніи, что заключенный имъ срокъ четырехл̌етняго контракта уже истекъ, опекуны же не им̌ели документальныхъ свид̌етельствъ объ изустныхъ переговорахъ, которые велъ во Львов̌е Важинскій съ покойнымъ Сенявскимъ. Сл̌едуя инструкціи опекуновъ, войты м̌естечекъ не допустили бывшаго арендатора ни въ одинъ изъ замковъ; онъ долженъ былъ возвратиться въ Винницу и начать юридическій процессъ. 20 Марта 1652 года онъ подалъ жалобу въ винницкій гродскій судъ, требуя съ одной стороны отъ насл̌едниковъ Сенявскаго вознагражденія за два года аренды, въ теченіе которыхъ онъ имъ не пользовался, съ другой взысканія съ крестьянъ и м̌ещанъ Грановщины стоимости оставленнаго имъ въ им̌еніи движимаго имущества. В̌ероятно возникъ бы многол̌етній процессъ, еслибы онъ въ самомъ начал̌е не былъ прерванъ теченіемъ общихъ историческихъ событій. 2 Іюня новый

[1]) Памятники Кіевской коммиссіи, т. II, отд. II, стр. 98.

погромъ уничтожилъ всю польскую армію: произошла роковая битва на Батогѣ, надолго рѣшившая судьбу Брацлавщины; польскіе суды, урядники, помѣщики, арендаторы и оффиціалисты исчезли съ гораздо большею поспѣшностью, чѣмъ появились въ началѣ года. Козацкіе порядки стали твердою ногою въ Брацлавщинѣ; впрочемъ порядки эти не принесли краю желаннаго спокойствія; козачество было достаточно сильно для того, чтобы опрокинуть враговъ, но оно не стояло на той степени культурнаго развитія, которая была необходима для правильнаго устройства нормальной гражданской жизни. Начался длинный періодъ печальныхъ смутъ, извѣстный въ народной памяти подъ именемъ „руины", превратившій наконецъ въ пустыню всю западную половину Украины. Вмѣшательство иноземцевъ,—поляковъ, турковъ, татаръ,—и внутреннія распри козацкихъ партій, зазывавшихъ на помощь то тѣхъ, то другихъ сосѣдей, сдѣлали вскорѣ невозможнымъ развитіе сколько-нибудь правильной жизни въ краѣ; испытывая грабежи, пожары, нападенія отъ чужихъ и своихъ, угоняемые толпами въ татарскій полонъ, жители Брацлавщины теряютъ всякую надежду на возможность отстоять свои осѣдлости. Въ 1674 г. утомленные неопредѣленнымъ и опаснымъ положеніемъ, козаки и посполитые мѣстечекъ и селъ Кальницкаго полка поднялись массою и пошли отыскивать новыхъ, болѣе спокойныхъ мѣстъ для жительства; они поселились на берегу Орели, въ нынѣшнихъ уѣздахъ кобыляцкомъ и константиноградскомъ полтавской губерніи [1]). Такимъ образомъ къ концу XVI столѣтія Брацлавщина опустѣла еще разъ точно такъ же, какъ нѣкогда послѣ Менгли-Гиреевскаго разоренія. Только сорокъ лѣтъ спустя, когда вслѣдствіе Прутскаго договора шляхтичи опять получили возможность явиться въ свои имѣнія, Брацлавская украина стала вновь медленно населяться; въ ней повторились еще разъ тѣ же колонизаціонные пріемы, которые были испробованы полтора столѣтія назадъ; вновь объявлены были долгосрочныя слободы, вновь помѣщики стали

---

[1]) Лѣтопись Величка II, 355—356.

вести по преимуществу скотоводное хозяйство, отдавать въ аренду имѣнія предпріимчивымъ спекулянтамъ и т. п.

Когда послѣдній потомокъ Сенявскихъ, гетманъ Адамъ-Николай, явился въ Грановщину въ 1714 году, онъ засталъ совершенную пустыню; вскорѣ онъ возобновилъ замокъ и возстановилъ городскія права только въ одномъ Грановѣ; Левухи и Городокъ оставлены были въ положеніи слободъ. Впрочемъ Сенявскій не особенно заботился о преуспѣяніи своихъ имѣній, онъ былъ старъ и потомковъ мужескаго пола у него не было, не было и наслѣдниковъ по боковымъ линіямъ, которые продолжили бы выгаевавшій родъ Сенявскихъ. Старый гетманъ занялся исключительно благочестіемъ, истратилъ огромныя средства на устройство католическихъ монастырей, 200,000 червонцевъ употребилъ на выкупъ плѣнныхъ изъ татарской неволи и прославился у современниковъ кротостью и добротою нрава, не мѣшавшею ему впрочемъ сажать на колъ крестьянъ при первой попыткѣ протеста противъ панской власти [1]). Въ 1726 году онъ скончался, и его обширныя владѣнія перешли въ наслѣдство по женской линіи къ Чарторійскимъ. Послѣдніе управляли грановскимъ имѣніемъ при посредствѣ „губернаторовъ", т. е. управляющихъ. Не смотря на безконтрольное почти положеніе послѣднихъ, на богатой почвѣ Грановщины вскорѣ вновь сгустилось населеніе, и доходность имѣнія стала быстро возрастать. Въ концѣ XVIII столѣтія въ волости числилось уже кромѣ города Гранова 25 большихъ селъ. Чарторійскіе особенно щеголяли въ то время своею надворною козацкою милиціею, славившеюся красотою и дородствомъ людей, богатствомъ костюмовъ и строгою дисциплиною. Въ теченіе XVIII столѣтія два раза только Грановъ былъ серьезно потревоженъ; въ 1738 г. въ городъ ворвался отрядъ гайдамаковъ, перебилъ евреевъ, умертвилъ губернатора и ограбилъ экономію, костелъ и лавки; тридцать лѣтъ спустя, въ 1768 г., послѣ взятія Умани вновь Гранову пришлось испытать крутую расправу сподвижниковъ Желѣзняка [2]); но это было уже послѣднее насиліе, ис-

---

[1]) Żegota Pauli—Żywoty hetmanów, стр. 88.

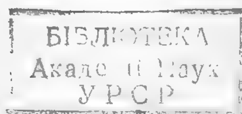
[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. III, т. III, стр. 289. Записки Липомана, стр. 39.

пытанное мѣстечкомъ; съ того времени жизнь потекла мирно, но долго еще, почти цѣлое столѣтіе массѣ населенія жилось довольно тяжело. Послѣ подавленія колівщины помѣщики почувствовали себя болѣе безопасными, и условія крѣпостнаго быта стали тяжелѣе для крестьянъ; еще болѣе власть помѣщиковъ усилилась подъ конецъ столѣтія, когда имъ можно было опереться на прочный государственный строй, признававшій законность ихъ власти. Грановщина оставалась во владѣніи Чарторійскихъ до 1831 года; только благодаря участію, какое принялъ князь Адамъ Чарторійскій, въ политическихъ событіяхъ того времени родовыя имѣнія его были конфискованы. Казалось бы, что жители должны наконецъ отдохнуть на свободѣ въ качествѣ государственныхъ крестьянъ послѣ вѣковыхъ волненій, смѣнявшихся подневольнымъ тяжелымъ трудомъ. Но судьба еще хранила для нихъ послѣднее испытаніе: Грановщина причислена была къ району тѣхъ государственныхъ имѣній южнаго края, въ которыхъ рѣшено было организовать военныя поселенія. Внутренняя исторія этихъ поселеній, безполезность ихъ въ военномъ отношеніи и способъ ихъ организацій, ихъ экономическая непроизводитетельность, а также неимовѣрно тяжелое положеніе жителей, населявшихъ имѣнія, включенныя въ районъ поселеній,—это предметы хорошо извѣстные въ нашей исторической литературѣ, и потому мы можемъ не останавливаться на нихъ.

Только въ 1860 году, въ періодъ благодѣтельныхъ реформъ, коснувшихся всѣхъ сторонъ внутренней жизни края, уничтоженъ былъ институтъ военныхъ поселеній, и для Грановщины кончился наконецъ многовѣковой періодъ волненій и страданій.

В. Антоновичъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 18 марта 1888 года.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

